

Научная статья

УДК 159.9

DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

Связь аутистических черт и когнитивно-стилевых особенностей

**Валерия Витальевна Пак¹
Алексей Павлович Шабалин²**

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹pakvaleria1707@gmail.com

²a.shabalin3@g.nsu.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики функционирования когнитивной сферы у лиц с выраженными аутистическими тенденциями через призму когнитивно-стилевого подхода, обеспечивающего более целостный взгляд на проблему организации познавательной деятельности при расстройствах аутистического спектра, нежели рассмотрение исключительно в терминах выявляемых дефицитов. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют о наличии прямых связей между выраженностью различных аспектов аутистических проявлений и такими полюсами когнитивных стилей, как полнезависимость, ригидный познавательный контроль, рефлексивность, конкретная концептуализация и узкий диапазон эквивалентности; вопросы о связи аутистических тенденций с толерантностью к нереалистическому опыту, а также о принадлежности к полюсу аналитичности или холистичности требуют уточнений. В целом полученные данные согласуются с теорией слабой центральной когерентности, предполагая фрагментарность познавательного «поля» у лиц с выраженными аутистическими чертами, сопровождающуюся высокой ригидностью, дихотомическим мышлением, тенденцией к построению конкретных ментальных репрезентаций и независимостью от контекста.

Ключевые слова

расстройства аутистического спектра (РАС), когнитивные стили

Для цитирования

Пак В. В., Шабалин А. П. Связь аутистических черт и когнитивно-стилевых особенностей // Reflexio. 2023. Т. 16, № 2. С. 5–28. DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

© Пак В. В., Шабалин А. П., 2023

Relationship between Autistic Traits and Cognitive-Stylistic Features

Valeriya V. Pak¹, Alexey P. Shabalin²

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹pakvaleria1707@gmail.com

²a.shabalin3@g.nsu.ru

Abstract

This article investigates the specifics of cognitive sphere functioning in individuals with pronounced autistic tendencies through the prism of the cognitive-style approach, which provides a more holistic view on the problem of cognitive activity organization in autism spectrum disorders than identified deficits consideration only. The results of the empirical study indicate the presence of direct links between the severity of various aspects of autistic manifestations and such poles of cognitive styles as field independence, cognitive control rigidity, reflexivity, concrete conceptualization and a narrow range of equivalence; questions about the relationship of autistic tendencies with tolerance for unrealistic experiences and belonging to either analyticity or holism pole require further clarification. Overall, the findings are consistent with the weak central coherence theory, suggesting that a fragmented cognitive “field” is inherent in individuals with pronounced autistic traits, accompanied by high rigidity, dichotomous thinking, a tendency to construct concrete mental representations, and context independence.

Keywords

autistic spectrum disorders (ASD), cognitive styles

For citation

Pak V. V., Shabalin A. P. Relationship between Autistic Traits and Cognitive-Stylistic Features. *Reflexio*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 5–28. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2023-16-2-5-28

Не подлежит сомнению, что актуальность проблемы расстройств аутистического спектра (РАС) в последние годы неуклонно возрастает по мере повышения распространенности данной группы нозологий. Так, по данным ВОЗ за 2018 г., количество лиц с диагнозом РАС составляет от 30 до 116 человек на 10 тысяч человек для стран Европы и от 34 до 90 человек на 10 тысяч человек для США [Simashkova et al, 2019]; согласно же данным систематического обзора от 2022 г., медианная распространенность РАС по всему миру составляет 100 человек на 10 тысяч, при этом две трети случаев не сопровождается нарушениями интеллекта [Zeidan et al., 2022]. Весьма примечательной является складывающаяся тенденция к расхождению взглядов на РАС: представлениям об аутизме исключительно как дефицитарности в когнитивном и социальном функционировании противостоит подход, согласно которому аутичность может рассматриваться как некая особенность когнитивной сферы [Наррэ, 1999], далеко не всегда приводящая к снижению креативной

способности и абстрактного мышления [Ridley, Homewood, Walters, 2011], или даже как отдельный личностный фактор наряду с другими факторами Big Five [Wakabayashi, Baron-Cohen, Wheelwright, 2006]. Не придерживаясь сколько-нибудь радикальных позиций и не отрицая существования дефицитов в познавательной сфере у лиц с РАС, трудно тем не менее не согласиться с тем, что расширение области знаний, связанной со спецификой когнитивной деятельности при РАС, выделение и описание тех особенностей когнитивной сферы, которые являются потенциальным ресурсом для адаптации, вхождения в социум, представляется крайне продуктивным в контексте организации образовательных программ, программ психокоррекции и психологического консультирования для аутичных людей с сохранным интеллектом. Соответственно, настоящее исследование призвано внести вклад в изучение вопроса о связи аутистических тенденций (как на «клиническом», так и выраженном «субклиническом» уровне) с особенностями когнитивной деятельности, акцентируя внимание на когнитивно-стилевых особенностях.

Аутизм: взгляд со стороны познания

Расстройства аутистического спектра принято определять как расстройства психологического развития, характеризующиеся широким спектром проявляющихся нарушений психической деятельности и дисгармоничностью их структуры [Лебединский, 2003]; согласно МКБ-10, к диагностическим критериям РАС относятся дефициты социальной и коммуникативной сферы, отставание в развитии языка и речи, стереотипии и манеризмы [World Health Organization, 1993]; в DSM-V, где под общим ярлыком «расстройство аутистического спектра» были объединены аутизм, синдром Аспергера, детское дезинтегративное расстройство и первазивное расстройство развития без дополнительных уточнений, в качестве диагностических критериев также выделяются дефициты социальной и коммуникативной сфер, стереотипии и манеризмы [American Psychiatric Association, 2013].

Данные критерии по очевидным причинам не затрагивают ряд специфических явлений в области познавательной деятельности, присущих РАС и, вероятно, играющих огромную роль в формировании характерных поведенческих проявлений. В первую очередь, к таким когнитивным особенностям можно отнести склонность людей с расстройством аутистического спектра к систематизации, находящую свое проявление в тенденции обращать внимание на мелкие детали. На данный момент нет единого мнения относительно того, является ли это отдельной и независимой когнитивной особенностью или же следствием сенсорной гиперчувствительности [Ploeger, Galis, 2011]. В исследовании Саймона Барона-Козна приводятся доказательства в пользу того, что гиперсистематизация проявляется у людей с РАС именно как особенность некоего когнитивного стиля [Baron-Cohen et al., 2009]. Примечательно, что несмотря на высокую склонность к систематизации, у лиц с РАС отме-

чается ослабление способности к категоризации; для формирования единой категории они чаще выделяют простые признаки, а в случаях, когда основание категоризации характеризуется высокой сложностью или неочевидностью, возникают затруднения [Gastgeb, Strauss, Minshew, 2006]. Если принять во внимание, что категоризация снижает нагрузку на память, позволяя сосредоточиваться на важных аспектах объектов и игнорировать несущественные детали, очевидно значительное негативное влияние данной особенности на способность к решению задач. Кроме того, к вопросу о способности к категоризации относится выявленная у людей с РАС неспособность выделять прототипы, проявляющаяся даже у высокофункциональных взрослых; также лица с РАС чаще оказываются неспособны абстрагироваться от уже существующих прототипов или усредненных представлений о характеристиках категории [Ibid.]

Утверждается, что люди с РАС, фокусируясь на деталях, демонстрируют признаки слабой центральной когерентности, приводящей к тому, что информация обрабатывается сегментарно или частично [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007]. Сам термин «сильная центральная когерентность», как его понимает Ута Фрит, отсылает к стратегии восприятия предметов и явлений целостно (как «гештальт»), глобально, учитывая более широкий контекст; аутичные люди в меньшей степени проявляют подобный способ переработки информации [Frith, 2008]. Вышеозначенные особенности могут лежать в основе таких симптомов РАС, как стремление к единообразию, нетерпимость к изменениям и внимание к частям, а не целому [Booth, Happé, 2010]. Интересно, что с другой стороны, эти черты могут стать основой для развития высоких способностей к анализу и синтезу, логическим рассуждениям и формированию понятий в рамках определенного вида задач [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007].

Еще одной существенной особенностью когнитивной сферы при РАС, описанной в литературе, является нарушение навыков планирования, выражающееся в том, что при решении задач аутичные люди не вырабатывают стратегию предварительно. Как правило, изначально они действуют в соответствии с предыдущим опытом, и лишь при несостоятельности сложившегося ранее способа происходит формирование стратегии решения стоящей перед ними задачи. Тем не менее сам процесс планирования у людей с РАС может носить сокращенный характер; зачастую используется метод «проб и ошибок». Проведенные исследования указывают на то, что навыки планирования и когнитивная гибкость улучшаются с возрастом [Robinson et al., 2009]. К области исполнительных функций относится также снижение способности к самоконтролю с помощью обратной связи для подавления доминантной реакции. Иными словами, при РАС ослаблена способность к торможению сигнала, кодирующего ранее сгенерированную реакцию; это обуславливает дефицит исполнительных функций, приводящий к тенденции совершать персеверативные ошибки [Ibid.].

В сфере самootнесенного познания аутичные люди проявляют сниженную способность осознавать, дифференцировать и контролировать эмоцио-

нальные проявления. Взрослые с РАС сообщают о высоком уровне алекситимии и о трудностях с идентификацией собственных эмоциональных состояний [Garfinkel et al., 2016; Huggins et al., 2021]. Что касается памяти, то эпизодическая (автобиографическая) память людей с РАС, как отмечается в ряде исследований, зачастую функционирует атипично: она фрагментирована, что затрудняет доступ к «личным событиям», отличается большей скудностью на феноменологическом уровне, менее организована вокруг собственных целей и с меньшей вероятностью извлекается «от первого лица», эффект самореференции оказывается более низким, а социально значимые аспекты происходящих событий с меньшей вероятностью подлежат сохранению [Cooper et al., 2016; Wantzen et al., 2021]. Разумно предположить, что это неизбежно влечет за собой последствия для построения некоего интегративного представления о себе, самовосприятия и т. п.

Наконец, отметим, что особенности когнитивного функционирования рассматриваются и в качестве одной из причин, объясняющей имеющиеся у людей с РАС трудности в понимании эмоциональных и психических состояний других лиц: предполагается, что последние могут быть обусловлены проблемами в интеграции кросс-модальной информации, т. е. неспособностью одновременно учитывать два источника информации разной модальности, что необходимо для понимания других (учет ситуативного контекста, интонаций, мимики и т. д.) [Thurber, Sheehan, Valtinson, 2007]. Данная гипотеза дополняется предположением о том, что как социально-коммуникативные, так и поведенческие нарушения при РАС могут быть обусловлены интолерантностью к неопределенности: сложное, динамичное, непредсказуемое является источником стресса, провоцирующего выбор стратегии избегания (в случае социального взаимодействия) или «навязывания» окружающему миру мнимого постоянства (в случае ограниченных интересов, а также стереотипных и повторяющихся паттернов поведения) [Rodgers et al., 2012; Goodwin, Mosner, Dichter, 2019; Шабалин, Первушина, 2023].

Подытоживая вышеизложенное, заметим, что рассмотрение РАС через призму специфики функционирования механизмов познания представляется крайне продуктивным, поскольку дает возможность построения объяснительных теоретических схем, что является важным дополнением к взгляду исключительно со стороны этиологии, симптоматологии или описания поведенческих реакций.

Континуальный подход к РАС, аутистические черты и широкий фенотип

В контексте настоящего исследования следует также затронуть понятие «аутистические черты».

Опираясь на результаты своих исследований, Саймон Барон-Коэн предложил рассматривать аутистические состояния как расположенные на конти-

нууме социально-коммуникативных навыков. Противоположными полюсами данного континуума в таком случае можно считать условную норму (как полное отсутствие каких-либо характерных для аутизма проявлений) и наиболее тяжелые формы РАС соответственно [Baron-Cohen et al., 2001]. Это означает, что и «неклинической» выборке (т. е. лицам, не обладающим формальным диагнозом РАС) могут быть присущи некоторые проявления, характерные для лиц с аутизмом – то, что и обозначается как «аутистические черты». Как упоминалось ранее, «экстремальная» трактовка данной идеи не просто постулирует возможность наличия таких черт у людей без диагностированных расстройств аутистического спектра, а предполагает признание аутичности как некоего универсального личностного измерения, присущего всем индивидам в популяции – аналогично факторам Big Five [Wakabayashi, Baron-Cohen, Wheelwright, 2006]. Сложно согласиться с настолько радикальным представлением, размывающим понятие РАС; однако сама идея аутистических черт представляется достаточно продуктивной в контексте возможности ухода от «дискретного» категориального диагноза к количественному подходу, связанному с оценкой большей или меньшей степени выраженности аутистических проявлений. Последний, в свою очередь, обретает смысл в свете проблемы широкого фенотипа аутизма.

Широкий фенотип РАС определяется как пограничное, «подпороговое» состояние, для которого характерно наличие особенностей в социально-коммуникативной и поведенческой сферах, аналогичных тем, что присущи аутичным людям, но выраженных в недостаточной для постановки диагноза степени [Gerdtts & Bernier, 2011]. Следует отметить, что такие пограничные состояния часто бывают свойственны ближайшим родственникам людей с диагностированным РАС. Еще Лео Каннер в 1943 г. указывал, что родители детей с РАС, их дедушки и бабушки, а также другие побочные родственники зачастую оказываются чрезвычайно увлечены научными или художественными абстракциями и проявляют мало искреннего интереса к людям [Ibid.].

В современных исследованиях было показано, что характерные для широкого фенотипа РАС черты обнаруживаются более чем у половины родителей детей с диагностированным расстройством аутистического спектра: у респондентов фиксируется нарушение способности распознавать лица других и снижение эмпатии при сохранности вербальных и пространственных способностей, они более склонны проявлять жесткость и упрямство в поступках, ригидность и интровертированность, более сдержаны в своих эмоциональных проявлениях. Более низкие способности к эмпатии, а также затруднения в процессе социальной коммуникации характерны и для сиблингов лиц с РАС (см. [Альбицкая, 2019]). При исследовании с помощью шкалы BAP-Q (Broad Autism Phenotype Questionnaire) было выявлено, что родители детей с расстройством аутистического спектра набирают значительно более высокие баллы, чем контрольная группа, при этом матери демонстрируют признаки широкого фенотипа в 69,8 % случаев, а отцы – в 87,6 % [Ibid.]. Существует гипотеза, со-

гласно которой «накопление» в ребенке дефицитов, свойственных широкому фенотипу РАС, приводит к достижению порогового значения и, как следствие, манифестации расстройства аутистического спектра (см. [Григоренко, 2018]).

Несмотря на то что выраженные аутистические черты не обязательно приводят к постановке диагноза РАС, они безусловно оказывают влияние на жизнь человека, потенциально приводя к сложностям в социальной адаптации – и данное обстоятельство делает актуальным изучение специфики когнитивной деятельности не только в случае РАС, но и в случае широкого фенотипа аутизма. Кроме того, изучение специфики организации познавательной сферы у носителей выраженных (но не достигающих пороговых значений) аутистических тенденций может потенциально оказаться полезным для понимания РАС в «клиническом» варианте, соответствующем всем принятым диагностическим критериям.

Когнитивно-стилевой подход и аутистические проявления

Согласно традиционному определению, когнитивные стили представляют собой «индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [Холодная, 2021. С. 33]. Это устойчивые, индивидуальные структурные особенности познавательной сферы, характеризующиеся биполярностью, к которым не применимы оценочные суждения («хороший»/«плохой»), так как оба полюса имеют свойственные им преимущества в координации и регулировании базовых познавательных процессов для адаптации к требованиям объективной действительности. В отличие от способности, стиль связан не с успешностью или уровнем достижений, а с самим способом выполнения интеллектуальной деятельности; он устойчив и стабилен, его проявления носят генерализованный, неспецифичный характер. Отражая индивидуальный способ интеллектуальной деятельности человека и будучи связанным с мотивационно-потребностной и аффективной сферами, когнитивный стиль может рассматриваться как проявление личностной организации в целом [Ibid.].

Несмотря на то что количество выделенных когнитивных стилей велико, основу феноменологии стилового подхода, согласно М. А. Холодной, составляют следующие [Ibid.]:

- полезависимость/полenezависимость (по способу ориентирования в сложноорганизованном контексте);
- узкий/широкий диапазон эквивалентности (по способу разделения и классификации объектов);
- узость/широта категории (по степени субъективной дифференциации содержания одной категории);

- ригидный/гибкий познавательный контроль (по субъективной сложности изменения способа обработки информации в условиях когнитивного конфликта);
- толерантность/интолерантность к нереалистическому опыту (по способу реагирования на неопределенные ситуации, лишённые привычного, очевидного или «правильного» решения);
- фокусирующий/сканирующий контроль (по широте охвата поля внимания и степени учета значимых признаков);
- сглаживание/заострение (по особенностям переработки материала при его сохранении в памяти);
- импульсивность/рефлексивность (по скорости принятия решения в условиях неопределённого выбора);
- конкретная/абстрактная концептуализация (по задействованию интеллектуальных операций дифференциации и интеграции);
- когнитивная простота/сложность (по мере дифференцированности индивидуальных конструкторов и «предметной эффективности»).

Когнитивно-стилевая оптика во многом соответствует актуальному подходу к изучению особенностей познавательной сферы при РАС и в случае широкого фенотипа аутизма. Как уже упоминалось выше, Франческа Аппе предложила рассматривать аутистические проявления не с позиции описания дефицитов (что не может объяснить такие феномены, как савантизм или «островки способностей»), а как связанные с неким общим когнитивным стилем, которому присуще преобладание локальной переработки информации над глобальной [Happé, 1999]. Вероятно, обращение к представленным выше стилям может быть эвристичным в силу их большей дифференцированности: охватывая достаточно специализированные области когнитивной деятельности, в своей совокупности они дают более комплексную ее картину.

В связи с вышеизложенным, целью настоящего исследования явилось выявление взаимосвязи между выраженностью аутистических черт и когнитивно-стилевыми особенностями.

Процедура и материалы исследования

Выборка исследования составила 103 человека (31 мужчина, 72 женщины; $M_{\text{возраст}} = 32$, $SD_{\text{возраст}} = 12,7$); распределение респондентов по направлениям деятельности¹ представлено в табл. 1. В соответствии с вышеописанным «континуальным» количественным подходом, к участию в исследовании приглашались как нейротипичные лица, так и лица с диагностированным РАС или относящиеся к широкому фенотипу РАС. О наличии у них диагностированного расстройства аутистического спектра сообщили 23 респондента,

¹ В ряде исследований отмечается, что лица, занимающиеся точными или техническими науками, с большей вероятностью обладают выраженными аутистическими проявлениями (см. [Baron-Cohen et al., 2001]); мы попытались принять во внимание данный момент.

о том, что у них есть родственник с диагностированным РАС, – 22 респондента (см. табл. 2); в обе группы попали 8 респондентов.

Таблица 1

Распределение респондентов по профессиональным сферам

Сфера деятельности	Количество человек
Точное и техническое направление (математика, IT, физика, инженерия, экономика)	27
Гуманитарное направление	11
Социальное направление (психология и медицина)	23
Другое (художественные направления, предпринимательство, самозанятость)	42

Таблица 2

Степень родства респондентов с людьми с диагностированным РАС

Степень родства	Количество человек
Родители и дети	12
Дедушки/бабушки и внуки	2
Дяди/тети, племянники, двоюродные братья/сестры	4
Другое (внучатая племянница, троюродный брат, члены семьи без указания степени родства)	4

Набор респондентов осуществлялся в сети «Интернет»; респонденты с РАС и имеющие родственников с РАС привлекались к участию в исследовании путем размещения объявлений в тематических группах в социальной сети «ВКонтакте». Данные собирались при помощи Google-форм; помимо прохождения психодиагностических методик (см. далее), участникам исследования предлагалось ответить на вопросы социодемографического характера (пол, возраст, сфера деятельности, наличие или отсутствие диагностированного РАС, наличие или отсутствие диагностированного РАС у родственника).

При подсчете статистических показателей применялся статистический пакет IBM SPSS Statistics 26.

Нами были использованы следующие методики.

1. Шкала Autism-Spectrum Quotient (AQ), взрослая версия.

Данный опросник предназначен для установления наличия аутистических тенденций и измерения степени их выраженности. Оригинальный опросник был разработан в 2001 г. Саймоном Бароном-Козном совместно с его коллегами в Центре исследования аутизма в Кембридже [Baron-Cohen, 2001]. Используемая версия AQ состоит из 50 пунктов в утвердительной

формулировке, которые сгруппированы по 5 подшкалам (социальные навыки, переключение внимания, внимание к деталям, коммуникация, воображение). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с каждым утверждением по шкале от 1 до 4; более высокий балл говорит о большей выраженности аутистических черт. В ходе осуществленной ранее адаптации методики для русскоязычной аудитории были установлены хорошая надежность методики по внутренней согласованности и хорошая ретестовая надежность для общего показателя, а также высокий уровень дискриминативности, критериальной и конструктивной валидности [Шабалин, Первушина, 2020].

2. Методика диагностики когнитивного стиля индивидуальности человека сокращенная (КСИЧ-К).

Данный инструмент предназначен для определения принадлежности к определенному полюсу 6 когнитивных стилей (полезависимость/полenezависимость, узкий/широкий диапазон эквивалентности, гибкий/ригидный познавательный контроль, импульсивность/рефлексивность, конкретная/абстрактная концептуализация, толерантность/интолерантность к нереалистическому опыту). Методика состоит из 24 пунктов в утвердительной формулировке, объединенных в 12 подшкал; все пункты закодированы в прямых значениях. Для ответа используется шкала Ликерта с 5 градациями. Разработчиками была заявлена высокая надежность и валидность инструмента [Волкова, 2015; Дудникова, Волкова, 2017].

3. Шкала аналитичности-холистичности (AHS).

Оригинальная методика построена на основе четырехкомпонентной модели аналитичности-холистичности Р. Нисбетта и соавторов. Инструмент состоит из 24 пунктов в утвердительной формулировке, объединенных в 4 подшкалы (фокус внимания, каузальная атрибуция, толерантность к противоречиям, восприятие изменений). Респондентам предлагается выразить степень своего согласия с утверждениями по шкале Ликерта с 7 градациями; более высокий балл свидетельствует о принадлежности к полюсу холистичности, более низкий – аналитичности. На материале русскоязычной выборки методика была апробирована в 2017 г. В. В. Апановичем, В. В. Знаковым и Ю. И. Александровым; была показана удовлетворительная надежность и валидность инструмента [Апанович, Знаков, Александров, 2017].

Результаты и обсуждение

Для оценки связи между общим показателем и подшкалами AQ и подшкалами КСИЧ-К и AHS использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты представлены в табл. 3 и 4.

Что касается связей показателей AQ и КСИЧ-К, то полезависимость оказывается значимо обратно связанной с «Социальными навыками» ($p < 0,01$) и «Переключаемостью внимания» ($p < 0,05$), полenezависимость прямо коррелирует с «Социальными навыками» ($p < 0,05$), «Переключаемостью вни-

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между подшкалами AQ и КСИЧ-К

Подшкалы	AQ Сумм. балл	AQ Соц. навыки	AQ Переключаемость вним-я	AQ Вним-е к дета- лям	AQ Коммуника- ция	AQ Воображение
КСИЧ-К Полезависимость	-,179	-,293**	-,223*	,021	-,095	-,144
КСИЧ-К Поленезависимость	,203*	,248*	,271**	,065	,144	,096
КСИЧ-К Узкий диапазон эквивалентности	-,060	-,139	-,048	,215*	-,075	-,122
КСИЧ-К Широкий диапазон эквивалентности	,075	,048	,040	,027	,050	,069
КСИЧ-К Гибкий познава- тельный контроль	-,478**	-,361**	-,489**	-0,188	-,442**	-,422**
КСИЧ-К Ригидный познава- тельный контроль	,572**	,463**	,461**	,102	,612**	,536**
КСИЧ-К Импульсивность	-,145	-,222*	-,280**	-,054	-,038	-,090
КСИЧ-К Рефлексивность	,043**	,469**	,557**	,197*	,342**	,277**

Окончание табл. 3

Подшкалы	AQ Сумм. балл	AQ Соц. навыки	AQ Переключаемость вним-я	AQ Вним-е к дета- лям	AQ Коммуника- ция	AQ Воображение
КСИЧ-К Конкретная кон- цептуализация	,380**	,413**	,453**	,064	,262**	,293**
КСИЧ-К Абстрактная кон- цептуализация	,019	-,038	-,011	,047	,075	-,002
КСИЧ-К Толерантность к нереалистиче- скому опыту	,361**	,274**	,392**	,313**	,321**	,189
КСИЧ-К Нетолерантность к нереалистиче- скому опыту	,470**	,413**	,435**	,239*	,444**	,263**

Примечание. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$

Жирный шрифт – значимые корреляции.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между показателями AQ и ANS

Подшкалы	AQ Сумм. балл	AQ Соц. навыки	AQ Переклечение вним-я	AQ Вним-е к деталям	AQ Коммуникация	AQ Воображение
ANS Сумм. балл	,021	–,240	–,041	,292	,124	,047
ANS Фокус внимания	–,388	–,354	–,518*	–,129	–,216	–,080
ANS Каузальная атрибуция	,217	–,145	,164	,429*	,225	,256
ANS Толерантность к про- тиворечиям	–,010	–,236	,012	,362	,076	,021
ANS Восприятие измене- ний	–,015	–,078	–,053	–,074	,060	–,133

Примечание. * $p < 0.05$

Жирный шрифт – значимые корреляции.

мания» ($p < 0,01$), а также суммарным баллом по шкале AQ ($p < 0,05$); узкий диапазон эквивалентности прямо связан с «Вниманием к деталям» ($p < 0,05$); гибкий и ригидный познавательный контроль соответственно демонстрируют обратные и прямые связи с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Внимания к деталям»; импульсивность обратно связана с «Социальными навыками» ($p < 0,05$) и «Переключаемостью внимания» ($p < 0,01$), рефлексивность – прямо с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ (для всех подшкал, кроме «Внимания к деталям», $p < 0,01$; «Внимание к деталям» – $p < 0,05$); конкретная концептуализация прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Внимания к деталям»; толерантность к нереалистическому опыту прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ ($p < 0,01$), кроме «Воображения», а нетолерантность к нереалистическому опыту прямо коррелирует с суммарным баллом и со всеми подшкалами AQ (для всех подшкал, кроме «Внимания к деталям», $p < 0,01$; для «Внимания к деталям» – $p < 0,05$).

В случае показателей AQ и ANS обнаруживаются значимая обратная связь между подшкалами ANS «Фокус внимания» и AQ «Переключение внимания» ($p < 0,05$), а также прямая между подшкалами ANS «Каузальная атрибуция» и AQ «Внимание к деталям» ($p < 0,05$).

Установленные связи когнитивного стиля «полезависимость/полнезависимость» с отдельными сферами аутистических проявлений (социальные навыки и способности к переключению внимания) представляются достаточно логичными. Если полезависимость как таковая означает приверженность более глобальному подходу к ориентации в сложноорганизованном контексте, а также большую социальную ориентированность, в то время как полнезависимость сопряжена с легкостью в преодолении влияния контекста и склонностью к разбиению «поля» на отдельные элементы и структурированию, то описанная выше слабая центральная когерентность, присущая людям с РАС, по своим проявлениям во многом соотносится с полюсом полнезависимости. Кроме того, по всей видимости, в случае выраженных аутистических тенденций речь идет, скорее, о ригидной (фиксированной) полнезависимости, проявлениями которой могут быть меньшая гибкость поведения, а также более слабые механизмы интеллектуального контроля своей деятельности, чем у «мобильных полнезависимых» [Холодная, 2021]. В пользу этого предположения говорит и прямая связь показателей по шкале полнезависимости КСИЧ-К с показателями по шкале AQ «Переключаемость внимания», которая оценивает общую ригидность познавательной сферы.

Обнаруженная связь между вниманием к деталям и узким диапазоном эквивалентности требует дополнительного уточнения: прежде всего, полюс узкого диапазона эквивалентности принято разделять на «дифференциаторов» и «детализаторов» – и если первые категоризируют объекты на основе «мелкомасштабных» и строгих критериев, то вторые опираются при этом на субъективно значимые и ситуативные критерии, что может негативно ска-

зываются на продуктивных аспектах интеллектуальной деятельности [Холодная, 2021]. Кроме того, существующие на настоящий момент данные, касающиеся соответствия аутичного познания узкому диапазону эквивалентности, весьма неоднозначны. С одной стороны, известно, что для лиц с РАС характерно выделение простых признаков в качестве оснований для категоризации. Также люди с РАС зачастую предпочитают, чтобы сами основания были очевидными, а стимулы – типичными; они с трудом абстрагируются от прототипов и усредненных представлений о характеристиках категории, чувствительны к деталям. Это соотносится с узким диапазоном эквивалентности, так как представители этого полюса выделяют явные признаки для классификации и склонны к детализации. В то же время существуют исследования, показывающие, что люди с аутистическими чертами обладают сниженной способностью видеть максимальное количество альтернативных способов классификации: в одном из таких исследований в задании на классификацию блоков им требовалось большее количество попыток для того, чтобы сформировать наборы блоков, и больше подсказок [Gastgeb, Strauss, Minshew, 2006]. Эти данные расходятся с характеристикой узкого диапазона эквивалентности, предполагающего способность создавать большое количество групп для классификации на основании конкретных черт.

Значимые связи ригидного/гибкого познавательного контроля со всеми сферами аутистических проявлений, кроме внимания к деталям, могут свидетельствовать о том, что для лиц с выраженными аутистическими тенденциями смена способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта оказывается субъективно затруднительной. Это может быть обусловлено когнитивной и поведенческой ригидностью, которая при РАС проявляется в склонности к стереотипиям, а также выраженной нетерпимости к неопределенности и изменениям установленного и привычного порядка (см. [Goodwin, Mosner, Dichter, 2019]); как отмечает М. А. Холодная, сужение ригидного контроля до жесткого фокусирования чревато чрезмерной фиксированностью поведения [Холодная, 2021] – по всей видимости, именно это и происходит в случае РАС.

Интересными представляются связи когнитивного стиля «импульсивность/рефлексивность» с социальными навыками и способностями к переключению внимания в случае импульсивности и со всеми сферами аутистических проявлений в случае рефлексивности. Полученные данные в известной степени противоречат упомянутым ранее представлениям о нарушении навыков планирования при РАС: рефлексивность традиционно интерпретируется как склонность к более медленному реагированию в ситуации множественного выбора, сопровождающемуся тщательной проверкой и многократным уточнением гипотез, в то время как импульсивность – к быстрому реагированию и выдвижению предположений без анализа альтернатив [Холодная, 2021]. В то же самое время медленное принятие решения в ситуации неопределенного выбора может быть связано с нетерпимостью к неопределенности,

свидетельствуя либо о сложностях в кодировании подобных ситуаций, либо о потенциальном наличии некоего компенсаторного механизма совладания с ней, функционирование которого требует затрат ресурсов и времени; этот вопрос требует дополнительного уточнения. Ответить на него может помочь прояснение, с какой субгруппой полюса рефлексивности соотносятся выраженные аутистические тенденции – «медленные/точные» (люди, демонстрирующие систематические стратегии принятия решения и обладающие сформированными механизмами произвольного контроля своей активности) или «медленные/неточные» (люди, чья познавательная активность в ситуации множественного выбора наименее систематична, а механизмы произвольного контроля своей активности сформированы слабее).

Связь между конкретной концептуализацией и всеми сферами аутистических проявлений, кроме внимания к деталям, свидетельствует о том, что для лиц с выраженными аутистическими проявлениями может быть характерна незначительная дифференциация и недостаточная интеграция понятий, а на уровне психологических качеств – «закрытость» ума, несвобода от непосредственных свойств ситуации и сверхконцентрация на одном подходе к ее интерпретации («ментальная слепота»), недостаток гибкости, «черно-белое» мышление, интолерантность к неопределенности, стереотипность принимаемых решений и слабая способность к мышлению в терминах возможного [Ibid.]. В общем и целом это соответствует существующим представлениям о склонности людей с РАС к дихотомическому мышлению и нетерпимости к неопределенности [Suzuki, Hirai, 2023], которые приводят к сосредоточению на одном упрощенном видении ситуации и избеганию информации, не соответствующей ранее сложившимся установкам. Интересно, что и построение единого интегрированного образа другого человека с учетом противоречивой информации, как отмечает М. А. Холодная, лучше удается людям с абстрактным, а не конкретным стилем концептуализации [Холодная, 2021]. В целом взгляд через призму доминирования полюса конкретной концептуализации позволяет уйти от «дефицитарности» при объяснении поведенческих стереотипов, конкретного характера мышления, выраженного в затруднениях понимания сферы гипотетического, переносного смысла и абстракций.

Прямые связи и толерантности, и нетолерантности к нереалистическому опыту со всеми аспектами аутистических проявлений представляются достаточно интересными в силу своей парадоксальности. По всей видимости, формально это может быть проинтерпретировано как свидетельство ортогональности полюсов данного когнитивного стиля, уже отмечавшейся ранее (см. [Дудникова, Волкова, 2017]); содержательно же объяснить данный результат крайне затруднительно. Исходя из приведенных выше данных, людям с выраженными аутистическими чертами, скорее, присуща интолерантность к неопределенности, а следовательно, и нетолерантность к нереалистическому опыту, которая проявляется в когнитивной «закрытости», т. е. ориентации на обычное и ожидаемое и сопротивлении опыту, который противоречит уже

имеющимся знаниям. Так или иначе, вопрос о связи аутистических черт с толерантностью и интолерантностью к нереалистическому опыту требует дополнительных уточнений.

Обратная связь между параметром «Фокус внимания» по AHS и способностью к переключению внимания предполагает, что лица, познавательная сфера которых характеризуется повышенной ригидностью, демонстрируют тенденцию к игнорированию контекста происходящих явлений и социальных ситуаций, рассматривая их как независимые и не связанные с другими. В целом этот результат согласуется с описанной выше связью между полнезависимостью и выраженностью аутистических тенденций, а также идеей слабой центральной когерентности. Любопытно, что близость к полюсу аналитичности в случае «Фокуса внимания» сопровождается близостью к полюсу холистичности в случае параметра «Каузальная атрибуция»: прямая связь между последним и вниманием к деталям предполагает, что человеку, склонному к фиксации внимания на частных аспектах предметов и явлений, присущ интеракционизм как склонность искать причины происходящих событий и явлений в окружающей среде, а не во внутренних диспозициях или устойчивых составляющих (см. [Апанович, Знаков, Александров, 2017]). Действительно, в некоторых исследованиях сообщается о том, что людям с РАС и выраженными аутистическими проявлениями в большей степени присущ экстернальный локус контроля, чем нейротипичным лицам [Bertrams, 2021]; однако в контексте обсуждения полученных в настоящем исследовании результатов приравнивание изолированного показателя внимания к деталям к аутичности вообще представляется необоснованным – очевидно, что этот вопрос также требует дополнительного уточнения. В общем и целом с уверенностью говорить о том, что выраженные аутистические черты сколько-нибудь прямо и однозначно соотносятся с полюсом аналитичности или холистичности в сфере познавательной деятельности, на данный момент времени не представляется возможным в силу недостаточности данных.

Обозначим ограничения данного исследования. Прежде всего, следует отметить «неортодоксальность» оценки когнитивно-стилевых особенностей при помощи методик самоотчета. Несмотря на то что использованный нами в силу объективных ограничений дистанционного формата взаимодействия с респондентами опросник КСИЧ-К позиционируется разработчиками как достаточно надежный и валидный психодиагностический инструмент, полученные с его помощью результаты безусловно подлежат перепроверке с задействованием более традиционных методик оценки когнитивно-стилевых особенностей. Кроме того, за пределами рассмотрения КСИЧ-К оказываются такие когнитивные стили, как узость/широта категории, фокусирующий/сканирующий контроль, сглаживание/заострение и когнитивная простота/сложность – между тем оценка связи выраженных аутистических проявлений с полюсами данных когнитивных стилей может представлять значительный интерес для построения более целостной картины организации познаватель-

ной деятельности при РАС. Следует отметить и особенности других использованных инструментов: к примеру, несмотря на достаточный уровень надежности и валидности методики AQ, реальная факторная структура данного опросника отличается от заявленной разработчиками (см. [Шабалин, Первушина, 2020]); можно также упомянуть некоторое содержательное сходство между отдельными пунктами AQ и КСИЧ-К. Наконец, еще одно потенциальное ограничение лежит в сфере внешней валидности получаемых результатов: оптика, предполагающая «континуальный» взгляд на аутистические расстройства, крайне эвристична, но вопрос о том, насколько получаемые при взаимодействии с высокофункциональными людьми с РАС и лицами с выраженными аутистическими тенденциями результаты релевантны для лиц с низкофункциональным аутизмом, остается открытым.

Заключение

Трудно переоценить значимость изучения организации когнитивной сферы у лиц с расстройствами аутистического спектра и выраженными аутистическими тенденциями: адекватное понимание того, какими принципиальными особенностями характеризуются процессы приобретения нового знания и конструирования репрезентаций окружающего мира и самих себя, оценка как слабых, так и потенциальных сильных сторон познавательной деятельности открывают возможности для построения целостной картины РАС в собственно психологическом ключе, которая объясняла бы разрозненные поведенческие проявления и предоставляла бы возможности для разработки продуктивных образовательных и коррекционных программ с учетом данной специфики. Использование когнитивно-стилевого подхода, как уже отмечалось ранее, представляется в данном контексте весьма уместным.

Согласно имеющимся данным, аутичное познание в целом характеризуется тем, что обозначается как слабая центральная когерентность – относительной независимостью от контекста, фрагментарностью «поля», тенденцией к негибкому сосредоточению внимания на отдельных элементах (иногда в ущерб постижению целостной картины) и т. д. В ходе настоящего исследования были получены результаты, так или иначе соответствующие данным представлениям и позволяющие отчасти их детализировать. Так, люди с выраженными аутистическими тенденциями действительно демонстрируют высокую независимость от «поля», что – помимо высоких когнитивно-структурирующих способностей – может сопровождаться и относительной слабостью механизмов интеллектуального контроля; им в большей степени присущ выбор узких оснований для группировки объектов и, вероятно, большее количество категорий в индивидуальном понятийном опыте, но также и когнитивная «закрытость», сопровождающаяся дихотомическим мышлением; неопределенные или конфликтные, противоречивые ситуации, требующие высокой гибкости и быстрой смены установок, являются для лиц с выражен-

ными аутистическими проявлениями источником субъективных затруднений и фрустрации, а решения в них принимаются относительно медленно. Примечательно, что высокий уровень дифференцированности, предполагаемый на теоретическом уровне принадлежностью к полюсу полнезависимости (равно как и к полюсу узкого диапазона эквивалентности), сочетается с конкретной концептуализацией, обуславливающей тенденцию к построению упрощенных ментальных моделей.

Наконец, полученные результаты свидетельствуют в пользу того, что именно «расколотость», фрагментарность является основополагающей чертой аутичного познания в его крайних проявлениях. Упорядочивание и интеграция отдельных деталей, сторон объектов и явлений окружающего мира в целостную картину, по всей видимости, оказываются крайне ресурсозатратными; в этой связи можно осторожно выдвинуть предположение, что высокая ригидность, также характерная для познавательной сферы при РАС, может отчасти выполнять и своеобразную «охранительную» функцию – жесткость установок и сосредоточенность на ранее сложившихся стереотипах позволяют до определенной степени избегать необходимости новых чрезмерных затрат «ментальных ресурсов» на построение новых репрезентаций. Простота, однозначность и схематичность формируемых репрезентаций также может служить целям «экономии». Вероятно, то, с чем нейротипичные лица сталкиваются на феноменологическом уровне в ситуациях, характеризующихся высокой степенью неопределенности, является типичным опытом для аутичных людей; в этой связи упоминавшаяся ранее связь интолерантности к неопределенности и РАС обретает особую актуальность – как в сфере теоретических исследований, так и в области конкретных практических разработок.

Список литературы

Альбицкая Ж. В. Роль и влияние «расширенного аутистического фенотипа» у родителей на возникновение расстройств аутистического спектра у детей // Психическое здоровье. 2019. № 6. С. 39–44.

Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И. Апробация шкалы аналитичности-холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.

Волкова Е. В. Технологии развития ментальных ресурсов. М.: Институт психологии РАН, 2015. 256 с.

Григоренко Е. Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс: Учебное пособие для студентов. М.: Практика, 2018. 280 с.

Дудникова Т. А., Волкова Е. В. Методика диагностики когнитивного стиля индивидуальности // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики. 2017. С. 645–652.

Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 144 с.

Холодная М. А. Когнитивная психология. Когнитивные стили: Учебное пособие для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2021. 307 с.

Шабалин А. П., Первушина О. Н. Адаптация опросника Autism-Spectrum Quotient (AQ) для оценки выраженности аутистических проявлений у взрослых: психометрические характеристики и факторная структура // *Reflexio*. 2020. Т. 13. № 2. С. 118–161.

Шабалин А. П., Первушина О. Н. Интолерантность к неопределенности как ключ к пониманию расстройств аутистического спектра // *Вопросы психологии*. 2023. Т. 69. № 2. С. 106–115.

American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (5th ed.). Washington, D.C.: American Psychiatric Publishing, 2013.

Baron-Cohen S., Ashwin E., Ashwin C., Tavassoli T., & Chakrabarti B. Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity // *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*. 2009. Vol. 364 (1522). P. 1377–1383.

Baron-Cohen S., Wheelwright S., Skinner R., Martin J., & Clubley E. (2001). The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome / high-functioning autism, males and females, scientists and mathematicians // *Journal of autism and developmental disorders*. 2001. Vol. 31 (1), P. 5–17.

Bertrams A. Less illusion of a just world in people with formally diagnosed autism and higher autistic traits // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. 2021. Vol. 51 (10). P. 3733–3743.

Booth R. & Happé F. “Hunting with a knife and ... fork”: Examining central coherence in autism, attention deficit/hyperactivity disorder, and typical development with a linguistic task // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2010. Vol. 107 (4) P. 377–393.

Cooper R. A., Plaisted-Grant K. C., Baron-Cohen S. & Simons J. S. Reality Monitoring and Metamemory in Adults with Autism Spectrum Conditions // *Journal of autism and developmental disorders*. 2016. Vol. 46 (6). P. 2186–2198.

Frith U. Autism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Garfinkel S. N., Tiley C., O’Keeffe S., Harrison N. A., Seth A. K., & Critchley H. D. // Discrepancies between dimensions of interoception in autism: Implications for emotion and anxiety. *Biological psychology*. 2016. Vol. 114. P. 117–126.

Gastgeb H. Z., Strauss M. S., Minshew N. J. Do Individuals With Autism Process Categories Differently? The Effect of Typicality and Development // *Child Development*. 2006. Vol. 77. P. 1717–1729.

Gerdts J. & Bernier R. The broader autism phenotype and its implications on the etiology and treatment of autism spectrum disorders // *Autism research and treatment*. 2011. 545901.

Goodwin C. D., Mosner M. G., Dichter G. S. Uncertainty Processing in Autism. In: Volkmar, F. (eds) *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. New York: Springer, 2019.

Happé F. Autism: cognitive deficit or cognitive style? // Trends in cognitive sciences. 1999. Vol. 3 (6). P. 216–222.

Huggins C. F., Donnan G., Cameron I. M., & Williams J. H. Emotional self-awareness in autism: A meta-analysis of group differences and developmental effects // Autism : the international journal of research and practice. 2021. Vol. 25 (2). P. 307–321.

Ploeger A. & Galis F. Evolutionary approaches to autism- an overview and integration // McGill journal of medicine : MJM : an international forum for the advancement of medical sciences by students. 2011. Vol. 13 (2). P. 38.

Ridley N. J., Homewood J. & Walters J. Cerebellar dysfunction, cognitive flexibility and autistic traits in a non-clinical sample // Autism : the international journal of research and practice. 2011. Vol. 15 (6). P. 728–745.

Robinson S., Goddard L., Dritschel B., Wisley M. & Howlin P. (2009). Executive functions in children with autism spectrum disorders // Brain and cognition. 2009. Vol. 71 (3). P. 362–368.

Rodgers J., Glod M., Connolly B., & McConachie H. The relationship between anxiety and repetitive behaviours in autism spectrum disorder // Journal of autism and developmental disorders. 2012. Vol. 42 (11). P. 2404–2409.

Simashkova N. V., Boksha I. S., Klyushnik T. P., Iakupova L. P., Ivanov M. V., Mukaetova-Ladinska E. B. Diagnosis and Management of Autism Spectrum Disorders in Russia: Clinical-Biological Approaches // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2019. Vol. 49. P. 3906–3914.

Suzuki N. & Hirai M. Autistic traits associated with dichotomic thinking mediated by intolerance of uncertainty // Scientific reports. 2023. Vol. 13 (1). 14049.

Thurber S., Sheehan W. & Valtinson G. (2007). Autism spectrum conditions from a Piagetian perspective // Psychology Journal. 2007. Vol. 4. P. 28–39.

Wakabayashi A., Baron-Cohen S. & Wheelwright S. Are autistic traits an independent personality dimension? A study of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) and the NEO-PI-R // Personality and Individual Differences. 2006. Vol. 41 (5). P. 873–883.

Wantzen P., Boursette A., Zante E., Mioche J., Eustache F., Guénolé F., Baleyte J. M. & Guillery-Girard B. Autobiographical Memory and Social Identity in Autism: Preliminary Results of Social Positioning and Cognitive Intervention // Frontiers in psychology. 2021. Vol. 12. 641765.

World Health Organization. The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: Diagnostic criteria for research. Geneva: World Health Organization, 1993.

Zeidan J., Fombonne E., Scorch J., Ibrahim A., Durkin M. S., Saxena S., Yusuf A., Shih A., & Elsabbagh M. Global prevalence of autism: A systematic review update // Autism research : official journal of the International Society for Autism Research. 2022. Vol. 15 (5). P. 778–790.

References

Al'bitskaia, Zh. V. (2019). Rol' i vliianie «rasshirennoho autisticheskogo fenotipa» u roditel'ei na vozniknovenie rasstroistv autisticheskogo spektra u detei [The role and influence of the “broad autism phenotype” in parents on the occurrence of autism spectrum disorders in children]. *Psikhicheskoe zdorov'e*, 6, 39–44. (in Russ.)

Apanovich, V. V., Znakov, V. V., Aleksandrov, Iu. I. (2017). Aprobatsiia shkaly analitichnosti-kholistichnosti na rossiiskoi vyborke [Testing the Analysis-Holism Scale on a Russian sample]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 38(5), 80–96. (in Russ.)

Volkova, E. V. (2015). Tekhnologii razvitiia mental'nykh resursov [Technologies for the development of mental resources]. Moscow: Izdatel'stvo „Institut psikhologii RAN“ (in Russ.)

Grigorenko, E. L. (2018). Rasstroistva autisticheskogo spektra. Vvodnyi kurs. Uchebnoe posobie dlia studentov [Autism Spectrum Disorders. An Introductory Course. A Student's Guide]. Moscow: Praktika (in Russ.)

Dudnikova, T. A., Volkova, E. V. (2017). Metodika diagnostiki kognitivnogo stil'ia individual'nosti [The method for diagnosing the cognitive style of individuality]. *Lichnost', intellekt, metakognitsii: issledovatel'skie podkhody i obrazovatel'nye praktiki*. 2017. 645–652. (in Russ.)

Lebedinskii, V. V. (2003). Narusheniia psikhicheskogo razvitiia v detskom vozraste: Ucheb. posobie dlia stud. psikh. fak. vyssh. ucheb. zavedenii [Mental development disorders in childhood: Textbook for students of psychology departments of higher educational institutions]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiiia» (in Russ.)

Kholodnaia, M. A. (2021). Kognitivnaia psikhologiya. Kognitivnye stili: uchebnoe posobie dlia vuzov [Cognitive Psychology. Cognitive Styles: A Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Iurait. (in Russ.)

Shabalin, A. P., Pervushina, O. N. (2020). Adaptatsiia oprosnika Autism-Spectrum Quotient (AQ) dlia otsenki vyrazhennosti autisticheskikh proiavlenii u vzroslykh: psikhometricheskie kharakteristiki i faktornaia struktura [Russian Adaptation of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) for Measuring Autistic Traits in Adults: Psychometric Properties and Factor Structure]. *Reflexio*, 13(2), 118–161. (in Russ.)

Shabalin, A. P., Pervushina, O. N. (2023). Intolerantnost' k neopredelennosti kak kliuch k ponimaniu rasstroistv autisticheskogo spektra [Intolerance to uncertainty as a key to understanding autism spectrum disorders]. *Voprosy psikhologii*, 69(2), 106–115. (in Russ.)

American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.).

Baron-Cohen, S., Ashwin, E., Ashwin, C., Tavassoli, T., & Chakrabarti, B. (2009). Talent in autism: hyper-systemizing, hyper-attention to detail and sensory hypersensitivity. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 364(1522), 1377–1383.

Baron-Cohen, S., Wheelwright, S., Skinner, R., Martin, J., & Clubley, E. (2001). The autism-spectrum quotient (AQ): evidence from Asperger syndrome / high-functioning autism, males and females, scientists and mathematicians. *Journal of autism and developmental disorders*, 31 (1), 5–17.

Bertrams, A. (2021). Less illusion of a just world in people with formally diagnosed autism and higher autistic traits. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 51(10), 3733–3743.

Booth, R., & Happé, F. (2010). “Hunting with a knife and ... fork”: Examining central coherence in autism, attention deficit/hyperactivity disorder, and typical development with a linguistic task. *Journal of Experimental Child Psychology*, 107(4), 377–393.

Cooper, R. A., Plaisted-Grant, K. C., Baron-Cohen, S., & Simons, J. S. (2016). Reality Monitoring and Metamemory in Adults with Autism Spectrum Conditions. *Journal of autism and developmental disorders*, 46(6), 2186–2198.

Frith, U. (2008). *Autism: A Very Short Introduction*. Oxford University Press.

Garfinkel, S. N., Tiley, C., O’Keeffe, S., Harrison, N. A., Seth, A. K., & Critchley, H. D. (2016). Discrepancies between dimensions of interoception in autism: Implications for emotion and anxiety. *Biological psychology*, 114, 117–126.

Gastgeb, H. Z., Strauss, M. S. and Minshew, N. J. (2006). Do Individuals With Autism Process Categories Differently? The Effect of Typicality and Development. *Child Development*, 77, 1717–1729.

Gerds, J., & Bernier, R. (2011). The broader autism phenotype and its implications on the etiology and treatment of autism spectrum disorders. *Autism research and treatment*, 2011, 545901.

Goodwin, C. D., Mosner, M. G., Dichter, G. S. (2019). *Uncertainty Processing in Autism*. In: Volkmar, F. (eds) *Encyclopedia of Autism Spectrum Disorders*. Springer, New York, NY.

Happé, F. (1999). Autism: cognitive deficit or cognitive style?. *Trends in cognitive sciences*, 3(6), 216–222.

Huggins, C. F., Donnan, G., Cameron, I. M., & Williams, J. H. (2021). Emotional self-awareness in autism: A meta-analysis of group differences and developmental effects. *Autism : the international journal of research and practice*, 25(2), 307–321.

Ploeger, A., & Galis, F. (2011). Evolutionary approaches to autism- an overview and integration. *McGill journal of medicine : MJM : an international forum for the advancement of medical sciences by students*, 13(2), 38.

Ridley, N. J., Homewood, J., & Walters, J. (2011). Cerebellar dysfunction, cognitive flexibility and autistic traits in a non-clinical sample. *Autism : the international journal of research and practice*, 15(6), 728–745.

Robinson, S., Goddard, L., Dritschel, B., Wisley, M., & Howlin, P. (2009). Executive functions in children with autism spectrum disorders. *Brain and cognition*, 71(3), 362–368.

Rodgers, J., Glod, M., Connolly, B., & McConachie, H. (2012). The relationship between anxiety and repetitive behaviours in autism spectrum disorder. *Journal of autism and developmental disorders*, 42(11), 2404–2409.

Simashkova, N. V., Boksha, I. S., Klyushnik, T. P., Iakupova, L. P., Ivanov, M. V., Mukaetova-Ladinska, E. B. (2019). Diagnosis and Management of Autism Spectrum Disorders in Russia: Clinical-Biological Approaches. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49, 3906–3914.

Suzuki, N., & Hirai, M. (2023). Autistic traits associated with dichotomic thinking mediated by intolerance of uncertainty. *Scientific reports*, 13(1), 14049.

Thurber, S., Sheehan, W. & Valtinson, G. (2007). Autism spectrum conditions from a Piagetian perspective. *Psychology Journal*, 4, 28–39.

Wakabayashi, A., Baron-Cohen, S., & Wheelwright, S. (2006). Are autistic traits an independent personality dimension? A study of the Autism-Spectrum Quotient (AQ) and the NEO-PI-R. *Personality and Individual Differences*, 41(5), 873–883.

Wantzen, P., Boursette, A., Zante, E., Mioche, J., Eustache, F., Guénolé, F., Baleyte, J. M., & Guillery-Girard, B. (2021). Autobiographical Memory and Social Identity in Autism: Preliminary Results of Social Positioning and Cognitive Intervention. *Frontiers in psychology*, 12, 641765.

World Health Organization. (1993). *The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: Diagnostic criteria for research*.

Zeidan, J., Fombonne, E., Scoriah, J., Ibrahim, A., Durkin, M. S., Saxena, S., Yusuf, A., Shih, A., & Elsabbagh, M. (2022). Global prevalence of autism: A systematic review update. *Autism research : official journal of the International Society for Autism Research*, 15(5), 778–790.

Информация об авторах

Пак Валерия Витальевна, бакалавр психологии

Шабалин Алексей Павлович, старший преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ
Scopus Author ID 57206893194
Author ID RSCI 1002509

Information about the Author

Valeriia V. Pak, Bachelor of Psychology (Novosibirsk, Russian Federation)

Alexey P. Shabalin, senior lecturer of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, junior researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57206893194
Author ID RSCI 1002509

Материал поступил в редколлегию 17.08.2024

The article was submitted 17.08.2024